

Научная статья. Политические науки
УДК 327.5 + 338
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-139-153>

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ЛИВИЙСКОГО КРИЗИСА: ЭКОНОМИКА И ВЛАСТЬ МЕЖДУ ФРАГМЕНТАЦИЕЙ И ЦЕНТРАЛИЗАЦИЕЙ

Григорий Валерьевич Лукьянов

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
gvlukyanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5569-2492>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению ливийского кризиса с точки зрения политэкономии. Системно описана и оценена отечественная и зарубежная историография по проблематике изучения экономических аспектов социально-политического развития и особенностей экономического развития Ливии во второй половине XX и начале XXI вв. Описана динамика развития ливийского кризиса как совокупности конфликтов, а также выявлены ключевые этапы поступательного развития. Выявлены политико-экономические аспекты, позволяющие поставить под сомнение устоявшиеся в российской исследовательской литературе представления о том, что ключевой причиной самовоспроизводимой природой ливийского кризиса является совокупность внешнеполитических факторов, объясняемых интересами и политикой региональных и глобальных держав.

Ключевые слова: Ливия, ливийский конфликт, ливийский кризис, экономика вооруженного конфликта, политическая экономия конфликта

Для цитирования: Лукьянов Г. В. Политическая экономия ливийского кризиса: экономика и власть между фрагментацией и централизацией. *Восточная аналитика*. 2023;14(4):139-153. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-139-153>

Original article. Politics studies

THE POLITICAL ECONOMY OF THE LIBYAN CRISIS: ECONOMY AND POWER BETWEEN FRAGMENTATION AND CENTRALIZATION

Grigoriy Lukyanov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
gvlukyanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5569-2492>

Abstract. The article is devoted to the consideration of the Libyan crisis from the point of view of political economy. Systematically described and evaluated domestic and foreign historiography on the problem of studying the economic aspects of socio-political development and features of economic development of Libya in the second half of the twentieth and early twenty-first centuries. The dynamics of the Libyan crisis as a set of conflicts is described, and the key stages of its development are revealed. The political and economic aspects are revealed that allow us to question the notions established in the Russian research literature that the key reason for the self-reproducing nature of the Libyan crisis is a set of foreign policy factors explained by the interests and policies of regional and global powers.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Keywords: Libya, Libyan conflict, Libyan crisis, economics of armed conflict, political economy of conflict

For citation: Lukyanov. G. V. The political economy of the Libyan crisis: Economy and power between fragmentation and centralization. *Eastern Analytics*. 2023;14(4):139-153. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-139-153>

Политическая экономия как концептуальная рамка и методологический подход предлагает эффективный инструментарий для изучения современных вооруженных конфликтов [Елагин 2020; Елагин 2021], в том числе на Ближнем Востоке и в Северной Африке [Матвеев 2022]. Поэтапный эволюционный характер развития кризиса в Ливии после событий арабской весны и иностранной интервенции в 2011 г. определяет во многом специфику отношений в треугольнике «власть – собственность – насилие», сложившуюся под влиянием сложной конфигурации внутренних и внешних факторов не единомоментно, а в процессе трансформации. При этом детально реконструировать и подробно описывать событийную канву и динамику развития исторического процесса в Ливии после 2011 г. во всем её многообразии не имеет смысла в рамках данной статьи. За 12 лет не только в зарубежной, но и отечественной науке подготовлено немало научных трудов, содержащих подробную хронику событий [Подцероб 2015; Бабкин и др. 2021; Видясова 2019; Зинин 2022] и анализ ключевых тенденций развития социально-политической ситуации в Ливии и вокруг нее [Булаев, Труевцев 2016; Лукьянов 2016; Ласкарис 2019; Труевцев 2016].

Тем не менее нельзя не отметить, что внимание к вопросам экономического и социально-экономического развития Ливии, являвшимся предметом особо пристального рассмотрения в советский и постсоветский период развития ливийских исследований в России [Аршаруни 1970; Вавилов, Кукушкин 1981; Кукушкин 1985; Смирнова 1992; 2011], в 2010-х гг. носило либо поверхностный, либо весьма фрагментарный характер, лишенный методологической целостности и последовательности [Сидоренко 2021, с. 87–89]. Подобная тенденция характерна и для совокупности трудов зарубежной историографии, где расцвет изучения ливийской экономики пришелся на 1980–1990 гг., когда в центре внимания исследователей оказались такие системообразующие вопросы, как влияние нефти на экономическое и социально-политическое развитие страны [Allan 1981; Martinez 2012; Vandewalle 1998], специфика развития сельского хозяйства [Alan, McLachlan, Penrose 2015] и индустриализации [Naur 1986] в условиях форсированной политической модернизации и доминирования государственно-плановой системы [Buru, Ghane,

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

McLachlan 1985]. В последующем востребованным стало изучение также различных аспектов влияния внешних санкций на экономическое развитие страны [Niblock 2001].

Влияние экономики на политику в контексте развития ливийского кризиса в отечественной исследовательской литературе хоть и отмечается достаточно часто, но при этом в большинстве случаев ограничивается рассмотрением лишь нефтяного фактора [Евсеев 2020; Кузнецов 2019; Манафова, Орлов 2018], реже речь шла о миграционной ситуации [Грифа 2019; Маслова 2012]. Тем не менее нельзя не отметить оригинальные исследовательские работы В. А. Матросова, акцентировавшего внимание на региональной специфике экономического развития южных территорий Ливии [Матросов 2018], аналитические разработки К. Д. Сидоренко¹ и регулярные мониторинговые и аналитические материалы экспертов Института Ближнего Востока А. А. Быстрова, В. В. Куделева и др.

В современной академической литературе предпринимаются довольно редкие и осторожные попытки глубокого осмысления политэкономической составляющей [Zeggagh, Mansouri 2017; Laessing U. 2020], при этом акцент делается преимущественно на частные вопросы [El Gomati A. 2022] и случаи [Hüsken 2018]. Тем не менее инструментарий политэкономии видится весьма востребованным в контексте исследования различных социальных и политических аспектов развития ливийского общества, включая племенной фактор [Аганин 2020; Зинин 2013; Зинин 2022; Кузнецов 2022].

В рамках статьи предлагается рассмотреть основные этапы и особенности кризиса в динамике исторического развития, а также акцентировать внимание на политэкономических аспектах противостояния.

Ливийский кризис объединяет в себе комплекс расколов, кризисных явлений, деструктивных факторов и тенденций, охватывающих все сферы и стороны военно-политического, социально-экономического и гуманитарного развития страны. При этом он продолжается на протяжении более двенадцати лет, последовательно трансформируясь и видоизменяясь под воздействием сложной совокупности как внутренних, так и внешних факторов. В течение всего этого длительного периода времени территория богатого ресурсами, но сравнительно малонаселенного государства на средиземноморском побережье Северной Африки

¹ Сидоренко К. Д. Ливия пост-Каддафи: динамика и вызовы экономического развития [Видео] // XV конференция арабистов «Чтения И. М. Смилянкой». М.: ИВ РАН, 2020. URL: <https://youtu.be/A6L2Rh2gD4Y>; Сидоренко К. Д. Внешнеэкономическое функционирование нефтяной отрасли Ливии в период конфликта [Видео] // XVI Конференция арабистов «Чтения И. М. Смилянкой». М.: ИВРАН, 2021. URL: <https://youtu.be/vuS61vLMCH8>.

подверглась последовательному разорению в рамках противостояния вооруженных группировок, деградировала система социальных и социально-экономических отношений, складывались и укоренялись новые институты и практики общественного поведения, накопления капитала и политического управления.

Ливийский кризис имеет сложную природу генезиса и не менее сложную структуру, которая трансформируется в динамике, но неизменно включает совокупность последовательных и параллельных конфликтов и расколов. Один за другим в Ливии развернулись два крупных вооруженных конфликта, охвативших большую часть населенной территории страны, повлекших за собой безусловный, но неподверженный точной оценке вред для экономики страны в целом, а также приведших к неизбежной трансформации условий и стратегий экономического и политического поведения внутренних и внешних акторов. Речь идет о конфликтах, часто именуемых в современной историографии ливийскими гражданскими войнами 2010-х гг. Тем не менее Первая гражданская война (2011), вызванная событиями «арабской весны» и сопровождавшаяся иностранной военной интервенцией со стороны государств НАТО и их союзников, а также Вторая гражданская война (2014–2020), ставшая закономерным результатом кризиса государственности в условиях затянувшегося периода политического транзита, представляют собой лишь вершину айсберга, поскольку по сути являются политическими конфликтами, т. е. надстройкой над комплексом социально-экономических противоречий, региональных, этноконфессиональных и расовых расколов, а также конфликтогенных факторов, порождающих множественные локальные и региональные конфликты.

В 2011 г. в рамках непродолжительной, но действенной операции «Одиссея. Рассвет» / *Odyssey Dawn* (19–31 марта 2011 г.) и куда более длительной, 222-дневной, операции «Объединенный защитник» / *Unified Protector* (23 марта – 31 октября 2011 г.) вооруженные силы США и их союзников во исполнение положений Резолюции СБ ООН 1973 о создании бесполетной зоны над Ливией не только уничтожили значительную часть военной инфраструктуры войск Ливийской Джамахирии, но также нанесли невосполнимый урон и потери гражданскому населению и объектам экономической инфраструктуры. Наиболее известным из них является грандиозный проект сложных гидротехнических сооружений «Великая рукотворная река», строительство которого было начато в период правления Муаммара Каддафи [Егорин 2003]. Система была призвана в долгосрочной перспективе обеспечить водой из подземных источников не только прибрежные территории на севере, где исторически при более благоприятных климатических условиях развивалось

сельское хозяйство, но также засушливые и пустынные районы на юге [Смирнова, Филоник 2017, с. 245]. Здесь на протяжении столетий кочевое и полукочевое население было вынуждено выживать в условиях крайнего водного дефицита в оазисах [Подцероб 2021]. Кроме того, были уничтожены или повреждены другие объекты, призванные обеспечивать жизнедеятельность гражданского населения в крайне неблагоприятных климатических условиях. Процесс восстановления разрушенной инфраструктуры встретил немало преград, вызванных причинами как эндогенного, так и экзогенного характера. Стоит отметить, что и во времена Джамахирии из-за особенностей сложившейся после 1969 г. модели экономики и деструктивного влияния международных и односторонних санкций поддержание и развитие инфраструктуры в процессе реализации амбициозных проектов экономической модернизации осуществлялось преимущественно на средства государственного бюджета, обеспеченные по большей части доходами от экспорта нефти, и благодаря политической воле политического руководства во главе с Муаммаром Каддафи. Хроническая зависимость страны от иностранной квалифицированной рабочей силы, импорта технологичной продукции и строительных материалов в условиях стремительного и насильственного демонтажа политического режима Каддафи сделала вопрос восстановления единой системы гражданской производственной инфраструктуры, не относящейся напрямую к нефтедобывающему сектору, в последующие годы второстепенным для центральных властей. Его решение затянулось в долгосрочной перспективе на неопределенный период. В то же самое время начались параллельные процессы фрагментации, приватизации и каннибализации объектов инфраструктуры, ставших значимым капиталом в рамках конкуренции местных сил и вооруженных группировок за власть и влияние на местах.

С конца 2011 г., когда после гибели Муаммара Каддафи гражданская война была объявлена завершённой, по всей территории Ливии развернулась целая серия локальных вооруженных конфликтов. Основной целью участников этого противостояния стало удержание контроля над ключевыми объектами инфраструктуры, а также сохранившимися производственными мощностями, способными обеспечить стабильный приток доходов в условиях распада единой экономической системы. Под влиянием кризиса эффективности и состоятельности центральной власти начала последовательно возрастать автономность местных групп и сообществ на муниципальном и районном уровне, усилились центробежные тенденции на окраинах.

В 2012–14 гг. экономическая и социальная инфраструктура, являвшаяся предметом особой гордости для политического руководства Ливий-

ской Джамахирии и предметом алчного вождения для соседей и сотен тысяч мигрантов-переселенцев из стран Азии, Африки и Европы в течение нескольких десятилетий, неуклонно разрушалась. В условиях непрекращающейся вольницы независимых вооруженных формирований, коллапса легитимности центральных органов государственной власти и кризиса эффективности политических институтов процесс амортизации сопровождался неизбежно фрагментацией и снижением эффективности системы в целом. Вызревание дискуссии о федерализации Ливии [Исаев, Захаров 2019; Турьинская 2015] происходило на фоне роста сепаратистских настроений в северо-восточном регионе Киренаика, полного выхода из-под контроля Триполи южных пограничных районов в регионе Феццан, а также районов компактного проживания этно-конфессиональных меньшинств туарегов на северо-западе и тубу на юге.

Особого внимания заслуживает феномен складывания в этот период автономных в политическом и экономическом отношении городских политий. Благодаря своему выгодному географическому положению города Мисурата и Зинтан стали на западе самодостаточными центрами силы, последовательно наращивавшими влияние и ресурсы. Несмотря на то, что в 2011 г. Мисурата подвергся массивным ударам и осаде со стороны правительственных войск, он сохранил статус и положение ключевого транспортного узла, связывающего автомобильные дороги между городами побережья, а также внутренними районами. Более того, в 10 км от города расположен крупный морской порт Каср-Ахмад, а международный аэропорт Мисураты практически не прерывал свою работу в течение многих лет кризиса, выполняя как военные, так и гражданские функции. Таким образом, третий по величине город Ливии обладает благоприятными условиями для развития среднего и крупного бизнеса в сфере транспортных перевозок и международной торговли. За годы войны он не только не утратил, но и увеличил своё значение как в обеспечении экономического взаимодействия страны с внешним миром, так и во внутренней торговле, движении товаров и услуг. С другой стороны, маленький, удаленный от побережья город Зинтан, чье население с окрестностями достигает лишь нескольких тысяч человек, расположен таким образом, что базирующиеся здесь вооруженные отряды местной милиции и ополчения получили возможность контролировать одну из двух основных трасс между столичной агломерацией и границей с Тунисом. Принимая во внимание, что крупнейший город страны катастрофически зависит от импорта медикаментов, продовольствия и материалов из-за рубежа, географическое местоположение является источником благополучия и причиной процветания города в условиях военного времени. Оплотом «старых», т. е. дореволюционных,

порядков на несколько лет стали города Бани-Валид и Сирт, что привело к изоляции первого и последующему разрушению второго. В свою очередь, Дерна и Бенгази в 2011–12 гг. превратились в центры сопряжения власти исламистских внесистемных объединений и вооруженных милиций, включавших в себя также отряды иностранных боевиков и активистов из Судана, Египта, Туниса, Марокко и т. д. К моменту начала Второй гражданской войны в 2014 г., как верно отметил выдающийся российский арабист К. М. Труевцев, «распалось единство между ее (Ливии – Г.Л.) историческими областями Триполитанией, Киренаикой и Феццаном, но и эти территории оказались расчлененными на более мелкие фрагменты, многие из которых не имеют ни устойчивой власти, ни определенного политического устройства» [Труевцев 2020, с. 253].

В 2014–2020 гг. предпринимались попытки консолидировать страну под властью «зонтичных» по своему характеру и устройству политических структур, претендовавших на власть не над частью, но над всей территорией Ливии. Именно соперничество этих политических образований, лишенных прочной социальной и экономической базы на местах, борющихся за доступ к ресурсам и конкурирующих за признание международных организаций и поддержку со стороны иностранных государств, определило характер политического процесса и конфликта в период Второй гражданской войны.

На востоке страны под эгидой Палаты представителей (ПП) и руководством Ливийской национальной армии (ЛНА) была разработана и имплементирована модель реконсолидации, которую условно можно назвать «военно-административной». Важную роль в легитимации деятельности ЛНА на международном уровне играла ПП, её основной опорой на земле стали племенные элиты и ополчения Киренаики, иностранные наемники и инструкторы ЧВК, а главным спонсором – такие зарубежные государства, как Египет и ОАЭ. Все это позволило силам генерала Халифы Хафтара в 2015–2016 гг. оправиться от поражения под Триполи, которое ЛНА потерпела летом 2014 г., отступить на восток и перегруппироваться в Бейде и Тобруке. К 2018 г. силам Х. Хафтара удалось установить контроль над Бенгази и Дерной, разбив отряды милиции и исламистские формирования движения «Ансар аш-Шариа», а затем и «Исламского Государства» (ИГ). На подконтрольных ЛНА территориях была предпринята попытка выстраивать органы управления на основе армейских структур, что с точки зрения её архитекторов позволяло установить утраченный к тому времени порядок и единоначалие, выстроить систему централизованного и эффективного управления. Во многом сравнительному успеху такой модели способствовала в первую очередь более низкая, чем на северо-западе страны, числен-

ность населения в Киренаике, а также наличие финансовой, материальной и организационной поддержки со стороны зарубежных союзников и партнеров. Не последнюю роль играло и в целом отношение к ЛНА как к вынужденному союзнику со стороны местных племенных элит. Обеспечение перспективой утраты контроля над добываемыми в Киренаике нефтяными ресурсами в условиях расцвета вольницы вооруженных милиций на локальном уровне, с одной стороны, а также изменения расклада сил и «правил игры» в столице – с другой, они создали условия для превращения ЛНА в наиболее заметную военную силу на территории Ливии. Совпадение интересов местных элит и внешних игроков, увидевших в ЛНА эффективный инструмент для защиты и отстаивания собственных интересов, позволило Халифе Хафтару компенсировать нехватку легитимности и внутренних ресурсов, отсутствие опыта и заведомо известную низкую эффективность практик и инструментов командно-административной системы для успешной консолидации власти и ресурсов.

Вторая модель воссоединения Ливии была предложена в рамках Схиратских соглашений 2015 г. и получила шанс на воплощение, когда весной 2016 г. в Триполи начало работу Правительство национального согласия (ПНС) Фаиза Сарраджа, перенявшее бразды правления у Правительства национального спасения Халифы Аль-Гвейли. Принимая во внимание высокую численность населения Триполитании, наличие большого числа самостоятельных в экономическом и военном отношении городских центров и милиций, следует признать, что жесткая по своей сути модель военно-административной реконсолидации под управлением военных в этой части страны была заведомо нереализуема. Неудача военных в попытке взять власть в столице силой летом 2014 г. в рамках операции «Достоинство» оказался закономерным и был продиктован сочетанием системных факторов, а не конъюнктурой момента. Военные успехи ЛНА на северо-востоке в 2015–2016 гг. и на юге в 2017–2018 гг., позволившие созданному под эгидой ПП и опирающемуся на силы Армии временному правительству А. ат-Тани говорить о контроле над большей частью территории страны, не гарантировали повторения побед в Триполитании. Более того, стремление захватить Триполи силой весной 2019 г. привело к консолидации всех социальных и политических сил против Х. Хафтара. Являясь по своей сути консенсусной, она заключалась в постепенном выстраивании более сложной, но в то же время стабильной системы горизонтальных связей на основе своеобразного общественного договора между муниципальными властями, вооруженными милициями и классом профессиональных политиков.

На этом фоне сравнительно недолго просуществовала исламистская альтернатива преобразования Ливии, возникающая в условиях Второй гражданской войны на базе антисистемных исламистских организаций. Ливийский филиал международной террористической организации «Исламское Государство» (ИГ), о создании которого стало известно в конце 2014 – начале 2015 гг., с самого начала своей активной публичной деятельности позиционировал себя в качестве непримиримого противника как ЛНА на востоке, так и ПНС на западе. Выдвинув концепцию возвращения к границам трех исторических областей и провозгласив создание трех велаётов своего Халифата в Триполитании (Тараблус), Киренаике (Барка) и Феццане, идеологи ИГ вовсе отрицали возможность и необходимость существования единого ливийского государства как колониального проекта, а потому полностью искусственного, навязанного, несправедливого и несостоятельного образования. После установления военного контроля над Сиртом и Дерной в 2015 г. ИГ осуществило стремительное поглощение движения «Ансар аш-Шариа» и тех вооруженных формирований, что после разгрома Революционных советов шуры Бенгази и Дерны силами ЛНА нуждались в руководстве и поддержке. Тем не менее уже к концу 2016 г. ЛНА освободили Дерну и Бенгази от исламистских формирований, а милиции Мисураты командования операции «Аль-Буньян аль-Марсус» взяли Сирт. После этого сторонники ИГ, не имея опорных пунктов и не обладая контролем над территорией, перешли к партизанским действиям, а затем и вовсе начали дезертировать, постепенно растворяясь в вооруженных формированиях ЛНА, ПНС или местных ополчениях и милициях. Уже в 2017–2018 гг. исследователи отмечали, что в составе ливийских вилайетов ИГ собственно ливийские граждане составляли меньшинство, уступая в плане численности и доступа к руководящим должностям иностранцам. Кроме того, что борьба против него позволяла всем сопричастным привлекать и аккумулировать политическую и материальную поддержку из-за рубежа, ключевую роль в стратегическом поражении ИГ в Ливии сыграл тот фактор, что его сторонникам не удалось завоевать поддержку населения, встроившись в систему социальных расколов, и создать себе устойчивую экономическую базу. В отличие от Ирака и Сирии, где под контролем экстремистов оказались производственная и транспортная инфраструктура в непосредственной близости от государственной границы с третьими странами, позволившие осуществлять экспорт нефти и обеспечивать сопутствующее движение товаров и услуг, ливийские филиалы ИГ столкнулись с мощным вооруженным противодействием на местах со стороны местных акторов. Именно поэтому наиболее крупным и известным оплотом ИГ в Ливии стал разоренный после 2011 г.

и покинутый к 2014 г. значительной частью жителей Сирт. Считавшийся родным городом М. Каддафи, после гибели последнего он утратил свое бывшее значение и статус фасадной витрины страны, а потому защищать его было уже некому и по факту незначим. Обосновавшиеся здесь экстремисты хоть и получили доступ к транспортной развязке и порту в центре страны, но вынуждены были в экономическом отношении полагаться преимущественно лишь на поступления из-за рубежа, а также налоговые сборы с изрядно уменьшившегося в количественном отношении местного населения, чего было явно недостаточно для экстенсивного роста и дальнейшей экспансии.

В 2019 г., не достигнув своей конечной цели, наступление ЛНА на Триполи тем не менее ознаменовало собой максимальное напряжение сил всеми участниками вооруженного противостояния. В условиях активизации масштабных боевых действий на подступах к столичной агломерации, затянувшихся на несколько месяцев, быстрое истощение ресурсов выявило естественную слабость и ограниченность зонтичных структур, их тотальную зависимость от низовых локальных акторов и внешних зарубежных партнеров. Триполитанское правительство было вынуждено по экспоненте наращивать военно-техническое сотрудничество с Турцией и идти на уступки в торге с полевыми командирами на земле, а структуры ЛНА привлекали военизированные отряды салафитов-мадхалитов, иностранных наёмников и инструкторов ЧВК и опирались на военно-техническую и политическую поддержку Египта и ОАЭ. Именно зависимость от внешней помощи, объемы которой начали неумолимо сокращаться на фоне возникновения патовой ситуации на фронте и вследствие роста турбулентности мировой экономики на рубеже 2019–2020 гг. под влиянием набравшего обороты кризиса, вызванного распространением коронавируса COVID-19, заставила стороны сесть за стол переговоров. При посредничестве России и Турции в преддверии Первой Берлинской конференции по Ливии (Берлин-1), состоявшейся 19 января 2020 г., удалось добиться заключения сторонами соглашения о прекращении огня, легшего в основу дальнейшего переговорного процесса по таким направлениям, как безопасность, экономическое восстановление и развитие, параметры переходного периода, будущее политическое устройство, гарантии сторон.

Несмотря на установление линии разграничения Сирт-Джуфра и начало работы комитета «5+5» по объединению вооруженных сил враждующих сторон в рамках единой организационной структуры, консультации по политическим и экономическим аспектам, проходившие под эгидой Миссии ООН по поддержке в Ливии (МООНПЛ), дали очень скромные результаты. Это свидетельствовало в первую очередь о неготов-

ности сторон к значительным уступкам без надежных политических гарантий, в т. ч. по вопросу о перераспределении капитала, созданного в условиях военного времени и беззакония, и об иммунитете от уголовного преследования для участников вооруженных формирований.

Тем не менее в начале 2021 г. Форум ливийского политического диалога, созданный в результате посреднических усилий МООНПЛ и международных неправительственных организаций, выбрал Абдель Хамида Дбейбу главой нового Правительства национального единства (ПНЕ), а Мухаммеда аль-Манфи – председателем Президентского совета. Впервые за семь лет весной 2021 г. Палата представителей собралась в полном составе и выказала доверие новому правительству, основной задачей которого стала подготовка проведения всеобщих президентских и парламентских выборов в кратчайшие сроки до конца года. Это позволило многим наблюдателям говорить о том, что вторая гражданская война в Ливии подошла к концу, поскольку обозначилась устойчивая тенденция к воссоединению органов управления в интересах восстановления экономики, национального единства и территориальной целостности государства.

Тем не менее вполне ожидаемо запланированные на декабре 2021 г. президентские выборы, призванные перезапустить политический процесс, так и не состоялись. А уже весной 2022 г. страна вновь вернулась к status quo, когда в противовес ПНЕ А. Дбейбы, отказавшегося уходить в отставку с поста премьер-министра, на востоке страны было сформировано новое правительство во главе с бывшим министром внутренних дел ПНС Фатхи Башагой. Хотя сторонники Ф. Башаги в течение года предприняли несколько безуспешных попыток марша на Триполи, данный этап ливийского кризиса выгодно отличает то обстоятельство, что ни одна из них не привела к эскалации вооруженного насилия, и возвращения к интенсивному конфликту уровня 2019 г. не произошло. Более того, благоприятная ситуация на мировом энергетическом рынке позволила правительству Дбейбы нарастить объемы добычи и экспорта нефти, реорганизовать систему управления финансами и перенаправить часть расходов государственного бюджета из сферы безопасности на социальные программы поддержки населения и восстановления инфраструктуры. При этом переговоры о выработке новой дорожной карты, призванной вывести страну из долгосрочного политического кризиса, с конца 2022 г. проводились уже между Палатой представителей и Высшим государственным советом. В начале лета 2023 г. в рамках переговорного формата «6+6» между ПП и ВГС были намечены новые сроки и условия проведения всеобщих президентских и парламентских выборов.

Таким образом, за 12 лет ливийский кризис прошел несколько стадий поступательного развития, включавших два продолжительных масштабных военно-политических конфликта. Параллельно с масштабными гражданскими войнами и интервенцией, будучи их органической частью, развивались множественные локальные конфликты, выявившие не только социально-культурные расколы в ливийском обществе, но также политэкономическое измерение существующих расколов. Предпринятые попытки политического урегулирования, осуществленные при посредничестве международных организаций и участии внешних акторов, показали ограниченную эффективность во многом по причине игнорирования или неспособности повлиять на модель экономики военного времени, сложившуюся в 2010-х гг. в Ливии. Неотъемлемыми участниками и бенефициарами её сохранения стали ливийские локальные акторы, сумевшие в условиях отсутствия единых государственных институтов установить военный контроль над производственной и транспортной инфраструктурой.

Литература / References

1. Аганин А. Р. Племена Ливии и их роль в политическом процессе // Ближний Восток и современность. Сборник статей. Вып. 54. М.: Институт Ближнего Востока, 2020. С. 5–40.
2. Аршаруни Н. А. Иностраный капитал в Ливии (1911–1967 гг.). М.: Наука, 1970. 131 с.
3. Бабкин С. Э., Егорин А.З., Миронова Г. В., Подцероб А. Б. Ливия после Каддафи. М.: ИВ РАН, 2021. 410 с
4. Булаев О. О., Труевцев К. М. Ливия: распавшееся государство и очаг региональной напряженности // Оценки и идеи. Бюллетень. Институт востоковедения РАН. 2016. Т. 1, № 9. 12 с.
5. Вавилов В. В., Кукушкин В. Ю. «Третья всемирная теория» М. Каддафи и практика политического и социально-экономического развития Ливии. М.: Институт Африки АН СССР, 1981. 88 с.
6. Видясова М. Ф. Ливия. Куда идёт страна 140 племён? М.: Садра, 2019. – 209 с.
7. Грифа М. Основные тенденции миграционных процессов через страны Северной Африки // Азия и Африка сегодня. 2019. № 2. С. 49–52.
8. Зинин Ю. Н. Племенная структура ливийского общества и ее влияние на политические процессы в стране // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 2. С. 38–41.
9. Зинин Ю. Н. Ливия: страна и общество после Каддафи. М.: МГИМО(У), 2022. 240 с.
10. Евсеев В. В. Ливийский кризис и его влияние на нефтяной рынок // Геоэкономика энергетики. 2020. № 2. С. 20–37.

11. Егорин А. З. Великая искусственная река // Азия и Африка сегодня. 2003. № 6. С. 42–43.
12. Елагин Д. П. Политическая экономия внутренних вооруженных конфликтов: обзор теоретических объяснений их возникновения (часть I) // Мировое и национальное хозяйство. 2020. № 1 (54).
13. Елагин Д. П. Политическая экономия внутренних вооруженных конфликтов: обзор теоретических объяснений их возникновения (часть II) // Мировое и национальное хозяйство. 2021. № 2 (55).
14. Исаев Л. М., Захаров А. А. Анархия, нефть и федерация: Ливия после «арабской весны» // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2019. Т. 124. № 2. С. 60–82.
15. Кузнецов А. А. Политические факторы, влияющие на топливно-энергетический комплекс Ливии // Геоэкономика энергетики. 2019. № 2. С. 195–206.
16. Кузнецов В. А. Ливия: куда уходит племя, в какие города? // Восток (Oriens). 2022. № 4. С. 168–181.
17. Кукушкин В. Ю. Нефть и развитие: Ливия, Алжир. М.: Наука, 1985. 230 с.
18. Ласкарис Ф. И. За кулисами внешней агрессии и гражданской войны в Ливии. М.: Институт Ближнего Востока, 2019. 334 с.
19. Лукьянов Г. В. Ливийский кризис: пять лет нестабильности, деградации и дезинтеграции // Конфронтация между Западом и Россией: с кем вы, страны Азии и Африки? М.: ИВ РАН, 2016. С. 51–64.
20. Манафова А. Д., Орлов И. А. Влияние нефтяного фактора на интеграционные процессы внутри Ливии // Научные труды Института практического востоковедения. Материалы студенческих научных конференций. Вып. 7 / под ред. Г. В. Лукьянова, Д. В. Микульского. М.: ОЧУ ВО ММА, 2018. С. 55–69.
21. Матвеев И. А. Экономика внутреннего вооруженного конфликта на примере Сирии // Восток (Oriens). 2022. № 3. С. 101–110.
22. Маслова Е. А. Италия – Ливия: сложности взаимоотношений и перспективы сотрудничества // Научный диалог. 2012. № 4. С. 86–96.
23. Матросов В. А. Экономика юга Ливии: актуальное состояние, потенциалы, риски // Страны Азии и Африки в XXI веке: экономическое развитие и научно-технический прогресс. К 90-летию В. Г. Растяжникова. М.: ИВ РАН, 2018. С. 361–368.
24. Подцероб А. Б. Междоусобный конфликт в послекаддафиевской Ливии // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: ИВ РАН, 2015. С. 381–400.
25. Подцероб А. Б. Сахара. Исторические очерки. М.: ИВ РАН, 2021. 206 с.
26. Сидоренко К. Д. Методологические аспекты исследований современной экономики Ливии в России и за рубежом // Востоковедение: история и методология. 2021. № 1. С. 84–91.
27. Смирнова Г. И. Ливия после М. Каддафи: некоторые итоги развития // Дипломатическая служба. 2014. № 5. С. 36–43.

28. Смирнова Г. И. Ливия: от тотального госконтроля к либерализации экономики? (50-е – 2008 г.). М.: ИВ РАН, 2011. 218 с.
29. Смирнова Г. И. Опыт ливийской революции (преобразование социально-экономических и политических структур). М.: Наука, 1992. 240 с.
30. Смирнова Г. И., Филоник О. А. Ливийская рукотворная река – проект «без курса»? // *Арабский мир: контрасты водного баланса* / отв. ред. З. А. Соловьева, О. А. Филоник. М.: ИВ РАН, 2017. С. 232–255.
31. Труевцев К. М. Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности. М.: ИВ РАН, 2020. 370 с.
32. Труевцев К. М. Распад Ливии как фактор напряженности в Африке и Средиземноморье // *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 10 (711). С. 12–20.
33. Турьинская Х. М. Ливия: возможен ли возврат к федерализму? // *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 8. С. 18–23.
34. Allan J. A. *Libya: The Experience of Oil*. Westview Press, 1981. 328 p.
35. Altunışık M. Rentier State Theory and the Arab Uprisings: An Appraisal // *Uluslararası İlişkiler*. 2014. Vol. 11. No. 42. P. 75–91.
36. El Gomati A. Bargains and Blackmail: The Economic Side of Libya's Political Crisis // ISPI, 06.07.2022. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/bargains-and-blackmail-economic-side-libyas-political-crisis-35663>
37. Idris I. *Libyan political economy* / GSDRC Helpdesk Research Report 1385. University of Birmingham, 2016. 16 p.
38. Hüsken T. *Tribal Politics in the Borderland of Egypt and Libya*. Palgrave Macmillan, 2018. 281 p.
39. Laessing U. *Understanding Libya since Gaddafi*. Hurst & Co., 2020. 298 p.
40. *Libya: Agriculture and economic development* / Ed. By J. A. Alan, K. S. McLachlan and E. T. Penrose. Routledge, 2015. 213 p.
41. Martinez L. *The Violence of Petro-Dollars Regimes: Algeria, Iraq and Libya*. Hurst & Co., 2012. 202 p.
42. Naur M. *Political Mobilization and Industry in Libya*. Akademisk Forlag, 1986. 268 p.
43. Niblock T. "Pariah States" & Sanctions in the Middle East: Iraq, Libya, Sudan. Lynne Rienner Publishers, 2001. 240 p.
44. Otman W. A., Karlberg E. *Assessing Libya's Post-sanctions Initiatives* // *The Libyan Economy: Economic Diversification and International Repositioning*. Springer, 2007. P. 403–414.
45. *Planning and Development in Modern Libya* / Ed. by M. M. Buru, S. M. Ghanem and K. S. McLachlan. The Society for Libyan Studies, 1985. 234 p.
46. Vandewalle D. *Libya since Independence: Oil and State-building*. Cornell University Press, 1998. 226 p.
47. Zeggagh A., Mansouri S. *The Political Economy of Libyan Crisis* // *Siyasat Arabiya*. 2017. No. 25. P. 47–54.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лукьянов Григорий Валерьевич – научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Lukyanov Grigoriy V. – Researcher, Centre for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.12.2023.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 08.12.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 01.12.2023.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 08.12.2023.

The author has read and approved the final manuscript.